

DOI: 10.31857/S241377150009028-3

**Конференция “Национальные картины мира в литературах
и фольклоре народов Российской Федерации”
(ИМЛИ РАН, 23–25 октября 2019 г.)**

**The Conference “National World-Pictures in National Literatures
and Folklores of the Russian Federation” (The A.M. Gorky Institute
of World Literature of the RAS, October 23–25, 2019)**

23–25 октября 2019 г. в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва) прошла конференция “Национальные картины мира в литературах и фольклоре народов Российской Федерации”. В мероприятии приняли участие ученые из многих регионов Российской Федерации – Поволжья, Урала, Сибири и Северного Кавказа (республик Татарстан, Чувашия, Удмуртия, Алтай, Бурятия, Якутия, Карелия, Коми, Северная Осетия – Алаания, Дагестан и др.), а также г. Москвы.

В первый день (23 октября) конференции на утреннем пленарном заседании были заслушаны доклады К.К. Султанова (Москва, ИМЛИ РАН) “Национальная картина мира как динамическая модель самоидентификации”, В.Г. Родионова (Чебоксары, Чувашский гос. ун-т) “Воссоздание языковой и фольклорно-мифологической картин мира в трудах чувашских компаративистов второй половины XIX века”, Г.А. Гусейнова (Махачкала, Дагестанский гос. ун-т) “Некоторые концепты тюркской языковой и мифологической картины мира в историка-этимологическом контексте их древних переднеазиатских экспликаций”, А.И. Алиевой (Москва, ИМЛМ РАН) “Национальные картины мира в волшебной сказке народов Северного Кавказа”, А.Ф. Кофмана (Москва, ИМЛИ РАН) “Национальные картины мира: теоретический аспект”.

К.К. Султанов (Москва) говорил о значимости традиции, о том, к какой необратимой трагедии может привести народы и национальные культуры ее утрата. Вместе с тем в условиях столкновения “старого” и “нового” жизнь традиции обеспечивается ее “мобильностью”, динамичностью, “вариативностью” и даже “маневренностью” в современном мире. «Традиция существует не столько в состоянии

фатальной неизменности, сколько в модусе открытой структуры, доступной для перемен вплоть до отмирания и затем возможного “изобретения традиции”». “Есть метафизика традиции, ее духовный ресурс, есть инстинкт самосохранения, заявляющий о себе как разумная предрасположенность к переменам”. По словам К.К. Султанова, не стоит пренебрегать “гипотезой рациональной интеграции традиции и новизны”, заниматься дискредитацией “позитивного смысла традиции от имени транскulturации и фантастических технологических прорывов”, ибо это неэффективно и несовременно и не “учитывает шанса реинтерпретации традиции, мобилизующей ее позитивные возможности”.

В докладе В.Г. Родионова (Чебоксары) была изложена история чувашской сравнительной филологии XIX столетия. Ее формирование связано с научными изысканиями отечественных филологов В.А. Сбоева, Н.И. Золотницкого и Н.И. Ашмарина; они изучали языки, быт, традиционную культуру народов Поволжья, раскрывали особенности национальной картины мира народов региона. Знание быта и традиционной культуры народов Поволжья позволило этим ученым выявить и описать в своих трудах как общие, так и специфические составляющие языковой и мифологической картины мира чувашей. В.А. Сбоев предложил одну из ранних периодизаций истории развития чувашских религиозных представлений, выделив в ней дохазарский (общетюркский), хазарский, послехазарский и русско-христианский периоды. Его идея о прогрессивном и регрессивном этапах эволюции традиционной религии была подхвачена Н.И. Золотницким. В своих лингвистических и фольклористических работах он

стремился осветить архаическое мировосприятие, тесно сопряженное с этнической историей чувашей. Компаративист Н.И. Ашмарин, в свою очередь, реконструировал систему мифологических образов чувашей в подходах, близких концепциям Э. Тайлора и М. Нордау. Как отметил автор доклада, работы чувашских компаративистов XIX в. с течением времени приобретают все большую ценность, являясь богатым источником по традиционной культуре чувашей.

Г.А. Гусейнов (Махачкала) в своем докладе предложил по-новому взглянуть на ряд лексических соответствий в тюркских и древних переднеазиатских языках. Как заметил автор доклада, весьма примечательные омофоны были обнаружены и прокомментированы ранее Б. Грозным и другими исследователями. Ученые, например, отмечали близость шумерского *dingir* 'бог' и тюркского **Teñir* — мужского божества, связанного с верхним ярусом вселенной. Советский и российский фольклорист, дагестановед и тюрколог А.М. Аджиев указывал на сюжетные сходства в нарративах о кумыкском герое *Минкюллю* / *Мункюллю* и шумеро-аккадском *Энкиду*, в имени которого можно прочесть пратюрк. корень **aŋ/eŋ* 'зверь, дикое животное, дичь'. По мнению автора доклада, к тому же источнику, возможно, следует отнести имена *Иштар*, *Билгамеш*, для которых также обнаруживаются соответствия в тюркских языках.

В докладе **А.И. Алиевой** (Москва) был представлен анализ сюжетно-композиционных и стилистических особенностей сказок региона в соотношении с русской и европейской сказочными традициями. По замечанию исследовательницы, можно говорить об общекавказском сюжетном фонде сказок, который своеобразно преломляется в фольклоре каждого народа. Кавказская волшебная сказка в основных своих чертах схожа с аналогичным жанром в фольклоре других народов. В то же время, в отличие от русской, например, сказки, в адыгской действие никогда не происходит в условном "царстве" или месте. Как правило, ее герои живут "в одном ауле" по тем же законам и обычаям, каких придерживались в прошлом создатели адыгской сказки. На первый взгляд, "другой" мир или "подводное царство", куда попадает герой в поисках невесты или из-за козней жестоких братьев, ничем не отличаются от реального мира, в котором он живет. Однако, несмотря на кажущуюся

приближенность сказочного мира к реальному, мир кавказской сказки все же условный. Различные локусы в сказке — необходимый компонент сюжетного повествования, и каждое место действия героя связано с определенными поступками героя, определяющими дальнейшее развитие сюжета.

По мнению **А.Ф. Кофмана** (Москва), в национальных картинах, для культурной самоидентификации особую роль играют пространство и время. «Художественный образ "своего" пространства, каким он складывается в искусстве и литературе тех или иных народов, является важнейшей частью национальных культур. Необходимо иметь в виду неразрывную диалектическую связь двух процессов: с одной стороны, художественный образ пространства складывается в процессе культурообразования; с другой, — он оказывает формирующее воздействие на саму культуру». «Художественное пространство, как и время, всегда субъективно, несет в себе черты личностного (но также и сугубо национального) восприятия». Оно не тождественно реальному географическому пространству обитания народа. «При воссоздании национального пространства в полной мере действует художественный принцип элективности»; писателем отбираются наиболее важные составляющие реального пространства, которые в культуре обретают эмблематическое значение (например, Волга — национальный символ России). При этом «в художественный образ пространства вводятся мифологические координаты и характеристики, вообще отсутствующие в реальном пространстве». «В литературе все пространственные характеристики функционируют гораздо более широко, представляясь одновременно характеристиками психологическими, онтологическими и культурологическими. Создавая образ национальной среды, писатель сознательно или бессознательно выстраивает модель своей культуры».

Во второй половине дня (23 октября) начались секционные заседания. В секции «Литературоведение» выступили литературоведы из Алтая, Бурятии, Удмуртии.

В докладе **Н.М. Киндиковой** (Горно-Алтайск, Горно-алтайский гос. ун-т) «Фольклорно-мифологический контекст рассказа "Родины зов" алтайского прозаика Д. Каинчина» на основе анализа рассказа Дибаша Каинчина отражены особенности национального мировидения. В поэтике произведения важную роль играют

образы-мифологемы — тотемные птицы и звери, родовая гора и коновязь, священные деревья и целебные источники, которые занимают значительное место в алтайской мифологии.

Выявлению мифологических элементов романов А. Адарова, характерных черт их поэтики был посвящен доклад еще одной исследовательницы из Горно-Алтайска **М.С. Дединой** «Мифологизация локуса “своей” земли в романах А. Адарова “Сердце, опаленное огнем” и “Кудайлык Алтай. Ыргүлҗи сүүш”».

Е.Е. Балданмаксарова (Москва, ИМЛИ РАН) в докладе «Жанр жития в бурятской литературе XVIII — начала XX в.» изложила историю жанра “жития” (бур. *намтара*) в бурятской литературе. По ее утверждению, этот жанр пользовался особой популярностью в Бурятии; “именно с этих жанров, начиная с XVIII в., берет свое начало бурятская литература. В основу бурят-монгольских *намтаров* заложены традиции средневековой индийской и тибетской агиографической литературы”. Свою точку зрения Балданмаксарова обосновала на фактическом материале, в частности, представила творчество Агвана Доржиева, его стихотворное произведение “Занимательные рассказы о кругосветном путешествии”, написанное на классическом монгольском языке (1921).

Страницам истории бурятской литературы был посвящен и доклад **О.А. Забановой** (Улан-Удэ, Бурятский гос. ун-т) «Народно-поэтические истоки лиро-эпической поэмы Л. Тапхаева “Ёхор”». Она отмечала, что в поэме Тапхаева, опубликованной в 1984 г., раскрывается традиционное восприятие времени и пространства как кругового и циклического. “Ёхор — это круговой танец, который является некой моделью мира, вселенной, отражает космос кочевника, обладает своеобразным способом кодирования, хранения и трансляции этнических ценностей и смыслов в культурном пространстве. Именно традиционный круговой танец ёхор становится объектом символизации в поэме”.

В.Г. Пантелеева из Удмуртии, ныне временно работающая в Москве в Литературном институте им. А.М. Горького, выступила с докладом «“Маленькая Удмуртия” Флора Васильева: границы поэтической географии в художественном сознании автора». Она говорила о художественном мире поэзии крупного удмуртского поэта XX в. Флора Васильева. С ним связано обновление поэтического слова в удмуртской литературе после Великой Отечественной войны.

Творческая личность поэта сформировалась под влиянием духовных основ этноса, различных факторов его биографии и историко-литературного процесса. В актуализации проблемы соотношения традиции и новаторства в творчестве Васильева ярко прослеживается, с одной стороны, преемственность литературного процесса, а с другой, — обновление художественной эстетики всей национальной литературы индивидуально-авторским мировидением.

В секции “Фольклористика” 23 октября выступили шесть докладчиков. Открыл заседание доклад **М.С. Киселевой** (Владивосток, ДВФУ) “Особенности отражения национальной картины мира в приметах и суевериях разных социальных групп Владивостока”. Он содержал анализ представлений, бытующих в современном городском пространстве. Материал исследования составили более 150 текстов примет, собранных среди представителей различных социальных групп г. Владивостока в 2014–2018 гг. студентами Дальне-Восточного федерального университета. По наблюдениям автора доклада, в городской среде наиболее активны мифологические представления, появляющиеся в результате семиотизации повседневных объектов: одежды, бытовых предметов, различных локаций. В то же время приметы, связанные с погодными явлениями, практически не фиксируются. Обращает внимание, что в среде носителей русской языковой картины мира сохраняются некоторые архаичные представления, связанные с положительным и негативным означиванием правой и левой стороны, ахроматических цветов, мужского и женского начала.

А.В. Коровашко (Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского) в докладе «“Железные люди в каменных домах”»: присловья о нижегородцах в устной традиции и литературном творчестве» представил анализ стереотипного образа жителей “третьей столицы” в устном и литературном мифотворчестве. По наблюдениям исследователя, довольно жесткую характеристику, вынесенную в название доклада, нижегородцы могли воспринять от уломцев, жителей поселения на юге бывшей Новгородской губернии, по отношению к которым в свое время применялось схожее описательное определение. В некоторых присловьях сохранилась память о бывшей разбойничьей славе поволжских мест: “на Волге жить — ворам слыть”, “Татинец да Слопинец — вора кормилец”. Среди самих горожан неблагоприятным, опасным местом, свой аналог которого

можно найти в любом другом городе, считался нынешний Канавинский район, о чем свидетельствует сетование: “Кунавина слобода в три дуги меня свела”. Присловья о нижегородцах вместе с тем зафиксировали и умение жителей этого города поддерживать опрятный, ухоженный вид (“бородка — нижегородка, а ус макарьевский”, “нижегороды — не уроды”), обстоятельно проводить чаепития (“нижегородцы — водохлебы”). Афористичные описания горожан, сохранившиеся в различных письменных документах прошлого, таким образом, выступают ценным источником для исследования образа Нижнего Новгорода в русской традиции.

Тему исследований локального фольклора продолжил совместный доклад **Л.П. Михайловой** (Петрозаводск, ПГУ) и **А.С. Монаховой** (Москва, независ. иссл.) “Ситуативная обусловленность использований паремий в русской речи жителей Карелии”. Основное внимание авторы уделили тематическому диапазону и функционированию паремий в спонтанной речи русскоговорящих жителей сел Республики Карелия. К локальным особенностям традиции исследовательницы относят описание в паремиях местных ремесел (“Прялица — забота, а став — сухота”, “Два става выткала, десять стен...”), разработку “своих” вариантов общеупотребительных пословиц (“Мал золотник, да дорог — не надо больших сорок”, “Был бы милый по душе, дак и рай в шалаше”). Обращает внимание, что паремии схожей тематики могут следовать в речи в виде своеобразного потока, как бы индуцируя появление друг друга. Материалом исследования стали собственные полевые материалы авторов, в том числе тексты, записанные А.С. Монаховой в д. Водла в течение нескольких десятков лет. Выступление исследователей из Карелии одновременно знаменовало и переход к проблемам фольклора пограничных зон. Этой теме были посвящены следующие работы секции.

В докладе **Л.С. Дампиловой** и **О.В. Бураевой** (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН) “Устные рассказы и предания о русских в Монголии” были рассмотрены биографические нарративы русских, в силу обстоятельств ставших частью иноэтнических (монгольских, бурятских, китайских) семей в начале прошлого века на территории российско-монгольского пограничья. Внимание исследователей привлекли вопросы формирования личности в инокультурной среде, ее

последующая этническая и культурная идентификации. На конкретных примерах авторы доклада разобрали особенности адаптации людей к среде, их восприятия в дальнейшем местным населением, участия в их судьбе новых семей. Исследование было основано на экспедициях авторов в северные аймаки Монголии, поддержанных грантом “Сохранность и трансформация фольклорных и этнокультурных традиций бурят России, Монголии и Китая”.

Картине мира жителей российско-китайской контактной зоны был посвящен доклад **В.Л. Кляуса** (Москва, ИМЛИ) «“Россия или Китай?” Представление о стране проживания жителей Трехречья (Северная Маньчжурия) в 1920–1950 гг.». Регион исследования — Трехречье, — по замечанию автора доклада, представляет собой не столько географическое, сколько культурное явление. Точное время начала русско-китайских контактов в этом регионе достоверно неизвестно. С конца XIX в. и, в особенности, в первые десятилетия XX в. здесь стали возникать русские поселения (деревни Шучья, Покровка, Верх-Кули и др.). Однако с приходом к власти в Китае коммунистов (1940–50-е годы) начался исход русского населения Трехречья (эмиграция, возвращение в Россию). В то же время следы русской традиции можно обнаружить в этой местности вплоть до сегодняшнего дня. Наибольший интерес представляют фольклорные произведения, сохранившиеся в памяти потомков русско-китайских семей. Исследователь показал видеофрагменты новых полевых интервью, в которых информанты, практически не владеющие уже языком, вспоминают отрывки слышанных в детстве русских сказок и песен.

На следующий день (24 октября) секционные заседания были продолжены. В секции “Литературоведение” было заслушано 13 докладов, посвященных русской, татарской, финно-угорским, коми, украинской, абхазской, белорусской литературам, литературам народов Севера РФ, Северного Кавказа, Дагестана.

Утреннее заседание открылось докладом **В.Р. Аминовой** (Казань, Казанский федеральный ун-т) “Жанрообразующая функция дейсиса в татарской поэзии XX в.”. В нем дается анализ ряда стихотворений татарских поэтов XX в.: Г. Тукая, Дэрдменда (псевд. поэта Закира Рамиева), С. Рамиева, Ш. Бабица, И. Юзеева, Р. Ахметзянова, Н. Гамбара и др. По мнению

Аминевой, “дейктические элементы языка, становясь темой высказывания, превращаются из первичной речевой формы в собственно поэтическую”. Специфику отобранных для анализа произведений характеризует направленность на процесс познания, воспроизведение самой его динамической формы. Отсюда — доминирование в них герменевтического кода (по терминологии Р. Барта), выполняющего структурообразующую функцию. Принципы организации субъектной сферы отражают процессы национально-культурной идентификации и самоидентификации лирического субъекта.

В докладе “Поэтика перекрестья: образы мира в современной финно-угорской поэзии” **А.А. Арзамазов** (Ижевск, ИИЯЛ Удм-ФИЦ УрО РАН) на основе сравнительного анализа языковых и поэтических материалов попытался показать общность, “пространство родства”, литератур финно-угорских народов России (удмуртской, коми-зырянской, коми-пермяцкой, марийской, мордовской /эрзя и мокша/, карельской, вепсской, хантыйской). При этом акцент был сделан на таких парадигмах развития национальных литератур как художественный диалог, противостояние урбанистического и натуралистического, фольклорно-мифологического образов мира, родного и русского языков, мужского и женского стратегий письма, советской и постсоветской идентичности.

Динамика жанров рассказа и миниатюр в современной коми литературе, характерные черты их поэтики рассматривались в докладе **Т.Л. Кузнецовой** (Сыктывкар, ИИЯЛ Коми НЦ УрО РАН) “Малые формы коми прозы конца XX — начала XXI в.: особенности художественного осмысления жизни”. С ее точки зрения, “малые формы новейшей коми прозы в осмыслении жизни приходят к решениям, выражающим лик времени. Специфические особенности драматичной современности — фрагментарность, отрывочность и др. — феномен разрушения цельности мировоззренческих установок современника — коррелируют с особенностями художественного осмысления жизни такой малой формой, как миниатюра (произведения И. Белых, В. Лодыгина, А. Ельцовой и др.)”. По словам докладчика, “развивается рассказ, концентрирующий внимание на малозаметных деталях и подробностях: писатели испытывают тяготение к воссозданию будничности во всей полноте реалий жизни. Прозаиками осмыслена роль

повседневного, второстепенного, на первый взгляд незначительного в формировании закономерностей развития жизни (рассказы А. Вурдова, В. Лодыгина, С. Терентьева и др.)”. “Психологизм в данном типе рассказа насыщен силой аналитичности. Особую роль получают композиционные решения, связанные с обращением к ретроспекции”.

По коми литературе выступила и **В.А. Лимерова** (Сыктывкар, ИИЯЛ Коми НЦ УрО РАН) с темой “Река в произведениях М.Ф. Истомина: к вопросу о моделировании образа пространства в коми словесности XIX в.”. Особое внимание было обращено на символику образа реки.

М.В. Казакова (Петрозаводск, Петрозаводский гос. ун-т) в докладе “Билингвальная картина в творчестве А.И. Мишина (Олега Мишина — Армаса Хийри) (на примере авторского перевода)” остановилась на проблемах художественного билингвизма в литературе Карелии. Финн-ингерманландец по рождению, А.И. Мишин входит в 1950-е годы в литературу Карелии как русский поэт. Спустя полтора десятилетия плодотворной творческой работы на русском языке (за этот период вышли три русских сборника стихов: “В дорогу” /1961/, “Голубая улица” /1963/, “Бессонница” /1966/) Мишин начинает публиковать стихотворения и на финском, главной темой которых становится тема памяти, символического возвращения к своим корням. Основным объектом анализа стали авторские переводы Мишина русских стихов на финский и финских — на русский. Исследователь обращает внимание на то, “что поэт начинает не просто осваивать лирическое пространство и возможности стихосложения на двух языках, но и выражает мысль через посредство разных художественных и символических образов, использует неодинаковые интонационные наполнения, связанные с особенностями ментальности русского и финского народов, то есть гармонично существует в системах обоих языков, которые вступают во взаимодействие в его творческом сознании, благодаря чему воссоздаваемая им картина мира становится полнее и ярче”.

Проблемам языка и литератур малочисленных народов Севера посвятила свой доклад “Концептуальная и языковая картины мира в литературах народов Севера” **А.С. Жулева** (Москва, ИМЛИ РАН). Она считает, что “в художественной литературе выделяются в качестве ведущих концептуальная и языковая

картины мира, которые тесно взаимосвязаны”. По ее мнению, в созданных на родных языках прозаиками и поэтами северных народов произведениях сложно разграничить язык и литературу со средой, со специфическим северным климатом, природой, условиями бытования, с веками сложившейся духовной культурой. В произведениях многих писателей (А. Немтушкин, П. Явтысый и др.) звучит тревога за судьбу родного языка и фольклора, за народные традиции. Стоит задача сохранения родных языков в условиях билингвизма, диалога двух культур — национального и русского.

Во второй половине дня работа секции началась с доклада **В.А. Бигуаа** (Москва, ИМЛИ РАН) “Поэтика символических образов камня и горы в литературах народов Северного Кавказа и Абхазии (опыт междисциплинарного анализа)”. Как говорил докладчик, образы камня и горы как символ постоянства, вечности, тех или иных явлений жизни часто встречается в мировой мифологии и литературе, в т.ч. в абхазском, адыгском, балкарском, карачаевском, осетинском, аварском фольклоре. В каждой литературе они по-разному функционируют в структуре художественного текста, в зависимости от авторского замысла. Вместе с тем эти образы изначально тесно связаны с историей, бытом, мифологией, фольклором народов; показывают тысячелетний историко-духовный опыт народов, своеобразие национального самосознания, мировосприятия. Часто эти образы — свидетельство того, как природное явление (камень, гора) превращается в мифологический и фольклорный образ, а затем — в литературный. Таким образом, процесс создания литературного образа, корни которого глубоко уходят в национальную историю и культуру, отражает взаимодействие разных типов мышления (исторического, мифологического, художественно-фольклорного и литературно-художественного); характер связи и диалог литературы с фольклором, историографией и этнографией говорят о роли смежных наук в развитии литературы, в постановке и художественно-эстетическом исследовании историософских проблем, об особенностях художественного историзма, который отличается от историзма историографии, философии истории и т.д. Объектами анализа стали поэзия балкарских поэтов К. Мечиева и К. Кулиева, роман абхазского писателя Б. Шинкуба “Рассеченный камень”, поэзия кабардинских

поэтов Али Шогенцукова и А. Кешокова, аварского поэта Р. Гамзатова.

Доклад **А.М. Муртазалиева** (Махачкала, ИЯЛИ ДФИЦ РАН) «Образ национального мира в романе Ахмеда Чинара “Горы — мое сердце”» был посвящен творчеству представителя дагестанской диаспоры в Турции А. Чинара, в частности историческому роману “Горы — мое сердце”. Основу сюжета произведения составляет история рядовой горской семьи, прослеживаемая на примере судьбы одного из ее членов. В романе изображены многочисленные события и лица XIX–XX вв., картины мирного сельского быта и семейной жизни, эпизоды боевых столкновений во время Кавказской войны XIX в., отдельные сцены из жизни горской молодежи в дагестанском ауле; отражены помыслы и чувства старшего поколения, дружба, предательство, любовь и ненависть. Значительное место в романе занимают этнографические описания.

Творчеству осетинского поэта К. Хетагурова был посвящен доклад **Р.З. Хайруллина** (Пушкино, Российский новый университет) “Национальная картина мира в творчестве Косты Хетагурова”. Анализируются стихи “Утес”, “Не верь, что я забыл родные наши горы”, рассказ “Охота на туров”, поэтика которых демонстрирует национальную картину мира горского народа.

В докладе **Д.В. Минец** и **А.В. Тиминой** (Череповец, Череповецкий гос. ун-т) «Античный vs. авторский мифы в романе В. Пелевина “Шлем ужаса”» подробно анализируется поэтика романа представителя современного постмодернизма В. Пелевина “Шлем ужаса: креатифф о Тесее и Минотавре”. По словам авторов доклада, «постмодернизму как литературному течению второй половины XX — начала XXI в. присущи интертекстуальность, пародийность, игровой характер, фрагментарность, монтаж, а также жанровый и стилевой синкретизм. “Шлем ужаса...” сочетает в себе черты данного художественного метода: в качестве “строительного материала” используется известный миф, но мифологическую ситуацию автор облекает в новую “креативную” оболочку — роман-чат».

В докладе **Ю.Я. Барабаша** (Москва, ИМЛИ РАН) “Национальные реалии и библейская псаломная традиция” на материале украинской поэзии были раскрыты особенности поэтического диалога с псалмопевцем Давидом. По утверждению Ю.Я. Барабаша, начало такому диалогу в украинской поэзии

положил Тарас Шевченко своим циклом “Псалмы Давида”. «Именно с осуществленных Шевченко поэтических переложений библейских псалмов живым литературным языком начался процесс *диалогического взаимодействия* украинской поэзии с псалмопевцем. Сложился своеобразный историко-литературный сюжет — диалог мировоззрений, поэтических принципов, национальных ментальных особенностей и духовно-культурных традиций. Диалог как процесс творческого “перепрочтения” библейских первоисточников под историко- и нациософским углом зрения, как поиск поэтического синтеза библейских универсалий с реалиями национального бытия, с экзистенциальным опытом пребывающих в потоке этого бытия творческих индивидуумов». Впоследствии в рамках общего направления, говорил докладчик, “проявилась и с течением времени активизировалась тенденция радикального свойства, которая отражала стремление поэтов к существенной поэтической *трансформации*, десакрализации и субъективизации сакральных текстов, их максимальному сближению с актуальной социально-общественной практикой, с национальным и личностным опытом”. Об этом свидетельствуют стихотворения П. Кулиша (“Вариация первого Давидова псалма”), И. Франко, Л. Костенко (“Псалом 1”), Дм. Павлычко (“Покаянные псалмы”) и др. По мнению Барабаша, подобные темы представляют интерес как в историко-литературном плане, так и в аспекте теоретико-методологическом, с точки зрения постижения “механизма” сочетания и взаимодействия универсального и национального начал в мировом литературном процессе.

Л.Н. Турбина (Москва, ИМЛИ РАН) выступила с темой «“Звездный родник” (Сборник произведений писателей Белоруси и России) — духовный портрет народов». Она представила сборник “Звездный родник” (Минск, 2013) в серии “Созвучие сердец”, в котором опубликованы переводы поэтических и прозаических произведений с аварского, лезгинского, лакского, татарского, чеченского, ингушского, марийского, карачаевского, балкарского, алтайского, удмуртского, осетинского, даргинского, чувашского, тувинского, ненецкого языков. Подчеркнула, что такие издания важны для возрождения и усиления диалога национальных литератур и культур.

Второй конференционный день в секции “Фольклористика” открылся докладом **А.А. Кузьминой**

(Якутск, ИГиИПМНС СО РАН) “Представление о холоде в фольклорной картине мира якутов”. Это явление получает в якутской мифологии характерное оформление в образе хтонического быка — хранителя холода. Считалось, что с ростом его рогов крепчают морозы, а когда они ломаются, морозы ослабевают. В якутском повествовательном фольклоре обнаруживается этиологический сюжет, согласно которому зима стала длиннее лета по вине быка. Таким образом, зооморфный образ зимы представлен в виде быка. По представлениям якутов, зима символизирует смерть, увядание, западную (нижнюю, негативную) сторону традиционной космологической модели, а наступление лета почиталось как воскрешение, рождение мира. По наблюдениям исследовательницы, современные представления о зиме и холоде отражают влияние православного календаря, а также новой мифологии, возникшей вокруг образа Деда Мороза. В частности, выделяются национальные варианты этого персонажа — *Чысхаан*, *Эһээ Дьыл*. Эти образы носят положительный характер: они добрые и щедрые.

Вопросы исследования устной традиции якутов были продолжены в докладе **С.С. Макарова** (Москва, ИМЛИ) “Ключевые концепты сюжетов якутских олонхо (из наблюдений над лексической стереотипией)”. Докладчик представил результаты исследования, целью которого было выявление “сквозных” словесных фрагментов, характерных для записей якутского героического эпоса. Среди элементов, имеющих субстантивную семантику, выделяются названия различных локусов эпического мира (ландшафтных объектов, элементов жилища героя и его антагониста), большое число повторяющейся лексики также связано с частями человеческого тела и телесными явлениями, что, вероятно, является общей жанровой чертой эпоса. Исследование словесной стереотипии, таким образом, проявляет “сильные” элементы жанровой картины мира олонхо.

Доклад **Е.В. Миненок** (Москва, ИМЛИ) “Картина мира кудинских бурят” был основан на собственных экспедиционных материалах исследовательницы в Иркутскую область. Этнотерриториальная группа кудинских бурят расселена в этом регионе в долинах рек Куда, Мурина, Китой. Во время первой бурятской автономии практически всех жителей этих районов объединили в составе

Эхирит-Булагатского аймака. Местные жители владеют как русским, так и эхирит-булагатским диалектом бурятского языка. Население почитает единые эхиритские культы. Многие частные сведения об этой стороне жизни бурят были получены в процессе участия в летнем празднике, имеющем обрядовое значение. Исследовательница представила подробный обзор видов ритуальных угощений, способов их подношения, распределения гендерных и социальных ролей в обрядовых и игровых действиях, проводимых на празднике.

Б.Ю. Сенглеев (Москва, ИМЛИ) в докладе “Дракон, иноземец и волосатая рука: образы антагонистов в легендах и преданиях о Мазан-батыре” представил анализ различных типов противников популярного героя калмыцкой несказочной прозы и исторических песен. Прототипом персонажа считается одноименный военачальник XVII в. Этот тематический цикл испытал, по мнению исследователя, сильное влияние героического эпоса. Рассмотрение корпуса записей показывает, что антагонистом героя могут выступать как отдельное лицо, так и целая группа. К последним можно отнести, например, похитителей скота, фигурирующих в сюжетах о ранних подвигах героя. К другой группе следует отнести героев-иноземцев (черкесский хан, турецкий батыр и т.п.). Противником героя могут быть и родственники, например, дядя по матери, который недолгоблудит племянника. Наконец, в схватку с героем могут вступать и сильно мифологизированные персонажи, такие как драконы-громовержцы *лу* или волосатая рука, связанная с планом актуальных верований. Таким образом, в образах противников Мазан-батыра прослеживаются как мифологические, так и исторические напластования сюжетного фонда. Мифологический противник при этом зачастую “историзируется”, приобретая реальные черты, а исторический, напротив, наделяется мифологическими признаками.

Секцию продолжил доклад **Н.Г. Кожановой** (Пермь, Пермский дом народного творчества “Губерния”) «Сказочные и мифологические сюжеты народов Прикамья в интерактивном пространстве “Комната сказок”». Докладчица рассказала об опыте работы по образовательному проекту, направленному на популяризацию сказочного фольклора народов мира среди детей младшего и среднего школьного возраста. “Комната сказок” — это камерные

инсценировки для детей и родителей, проводимые в Пермском доме народного творчества “Губерния”. В каждое представление интегрированы народные песни и танцы, обряды и приметы. При этом каждый зритель может сам стать участником сказочного действия или переписать его по-своему. Гостям представлений также предлагают угоститься чаем и блюдами различных народов Прикамья.

Доклад **З.Б. Цаллаговой** (Москва, ИЭА РАН) был посвящен анализу средств создания образности в народных афоризмах. По наблюдению исследовательницы, для создания художественной образности афоризм мобилизует все богатство фольклорного поэтического арсенала, применяя его в соответствии с эстетикой минимализма. Поэтической особенностью афоризмов является и то, что в отличие от других фольклорных форм, общефольклорные художественные средства — метафора, эпитет, сравнение, олицетворение, метонимия, гиперболы, параллелизм, антитеза — выступают здесь одновременно и средствами художественной выразительности, формируя структуру высказывания. Многие афоризмы полностью укладываются в минимальную форму поэтических фигур. Сравнительно-сопоставительный анализ свидетельствует, что даже если разные жанры афористики пользуются одними и теми же тропами, фигурами, образами, то все-таки применение каждого из них подчинено характеру конкретного афористического подвига: пословицы посредством метафоры достигают широких обобщений; в загадке-метафоре связь между предметом и образом метафоры слаба, произвольна и нацелена на то, чтобы затруднить отгадку; в поэтической системе благопожеланий и проклятий, имеющих антонимичную семантику, в качестве метафорических образов используются контрастные явления природы.

Вечернее заседание второго дня открыл доклад **Л.Х. Давлетшиной** (Казань, ИЯЛИ РТ) “Категории мифологических персонажей в современных представлениях татар”. Доклад представлял собой систематизированный обзор сюжетов устных рассказов, повествующих о встрече человека с мифологическим персонажем. По словам исследовательницы, устная проза представляет собой продуктивный жанр современного фольклора татар. Представленная в ней персонажная система условно может быть разделена на несколько категорий в зависимости от функций и генезиса

конкретно взятого мифологического образа: 1) люди со сверхъестественными способностями (“знающие”, колдуны и знахари), 2) мифологические персонажи, происходящие из душ “неправильно” умерших (*убыр, утлы елан, аздякы*), 3) демонические существа. В свою очередь, в последней категории целесообразно выделять духов — хозяев природных локусов и домашнего пространства, различных явлений, например, болезней, а также образов нечистой силы, приносящей вред человеку (*албасты, пәри, өрәк, жән* и др.).

Доклад **Т.М. Хаджиевой** (Москва, ИМЛИ РАН) был посвящен особенностям моделирования пространства и времени в нартском эпосе народов Кавказа. По замечанию исследовательницы, для изображаемого в этой традиции мира характерна “замкнутость”, закрытость. В такой изолированности выражается пространственно-временная статика Нартиады: абсолютная старость Ёрюзмека и вечная молодость Сатанай; долговечность многоголовых великанов, живущих до семисот лет, и т.п.; “эпохальный фон” (традиционные постоянные эпические “объекты”): ныгыш/ныхас/хаса (площадь, где собирались на совет нарты); дом Алиговых (место увеселений нартов); подземелье (где находится богатырский конь и в черном сундуке спрятано оружие); пещера (жилье эмегенов) и т.п. Особое значение приобретают образы камня, горы, неба, коня, преодолевающего огромные расстояния, пещеры, жилища в широком смысле. Именно для названия гор, горных массивов, цепей, различных каменистых участков в нартском эпосе применяется разработанная терминология. Сам рельеф местности, пространственные образы реализуют национальное мировосприятие тех или иных фигур. В Нартиаде национальная специфика находит яркое выражение и в традиционном использовании образа камня для демонстрации гиперболической силы героя и его врагов, а также в сказаниях о рождении нарта Сосурука из камня и его “играх” с великаном.

Этиологическим мотивам ногойских сказочных сюжетов был посвящен доклад **А.И. Каплановой** (Черкесск, ИГИ). Как отметила автор доклада, в этих сюжетах большое значение имеет рефлексия носителей традиции по поводу сотворения мира, причин возникновения различных природных явлений, игравших важную роль в жизни традиционного общества. Этиологические мотивы присущи

сказкам о животных и волшебным сказкам. В них ярко представлены зачин, красочно описываемые события прошлой жизни. Действия в ногойских сказках происходят в трехмерных измерениях — земном, потустороннем и небесном. Традиционные формулы, обозначающие этиологию, включают в себе объяснения повадок животных, зверей, птиц, происхождение небесных светил и духов, сил природы и поведения мифического персонажа и несут в себе выраженную поучительную функцию. Имеются отдельные фрагменты, в которых осуждаются поступки героев, иногда же сообщается о благополучном исходе сказки. Глубокое значение, присущее сказочному циклу, повествует об искусстве сказителя, является, по мысли исследовательницы, ключом к пониманию национального мировидения.

Заседания секции завершил доклад **А.М. Багирова** (Москва, МГИМО МИД) “Азербайджанский фольклор как мировоззренческий опыт”. Автор доклада представил аналитический обзор жанрового репертуара и мировоззренческих оснований, которые выявляются в названной традиции. Специальное внимание ученый уделил вопросам категоризации фольклорных фактов, в этой связи особенно отметив опыт Института фольклора Национальной академии наук Азербайджана, основанного в 1994 г. В своем выступлении докладчик подчеркнул актуальность применения междисциплинарного подхода к изучению фольклорных фактов, рассмотрения национальной культуры как разнообразного, но вместе с тем целостного явления.

Важным событием конференции стал круглый стол “Изучение национальных литератур и фольклора в России: перспективы и региональная специфика”, в котором приняли участие все собравшиеся. Со вступительным словом выступили заведующий отделом литератур народов России и СНГ ИМЛИ РАН К.К. Султанов, заведующий отделом фольклора ИМЛИ РАН В.Л. Кляус, заместитель директора ИМЛИ РАН по научной работе А.Ф. Кофман, заместитель директора ИМЛИ РАН по общим вопросам Е.А. Шмелев. Предметом обсуждения стала идея создания единого консолидирующего органа — ассоциации исследователей литератур и фольклора народов Российской Федерации при ИМЛИ РАН. Спикеры отметили некоторое ослабление связей между научными коллективами различных регионов, все более осязаемое в последнее десятилетие, указали

на необходимость институализировать многолетние связи между научными организациями субъектов РФ. Задачей нового органа мыслится представление совместных интересов членов ассоциации в работе с государственными и негосударственными организациями, содействие в получении грантовой и иной финансовой помощи, подготовка научных кадров, проведение научных мероприятий. Ассоциация может иметь статус некоммерческой организации.

На круглом столе выступили А.М. Муртазаев (ИЯЛИ ДФИЦ РАН), В.Г. Родионов (Чувашский гос. ун., Чебоксары), В.Р. Аминев (КФУ, Казань), Т.Л. Кузнецова (ИИЯЛ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар), Б.С. Зулумян (ИМЛИ, Москва), Н.М. Киндикова (ГАГУ, Горно-Алтайск), Р.З. Хайруллин (РосНОУ, Пушкино), А.В. Коровашко (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород). Выступившие отметили своевременность и значимость идеи. Среди актуальных проблем, требующих внимания ассоциации, выступившие назвали: нехватку финансирования академических изданий, проблему подготовки квалифицированных научных кадров, снабжения регионов литературой, академической мобильности, теоретико-методологической поддержки научно-исследовательских проектов, создания единого информационного поля.

Первым шагом к созданию органа должно стать принятие соглашения и создание рабочей группы. Определение состава и официальная регистрация ассоциации планируется в 2020 году.

Третий день мероприятия (25 октября) заняла культурная программа. Вниманию участников форума были предложены экскурсии в Музей-квартиру А.М. Горького в Москве, а также по местам, нашедшим отражение в творчестве М.А. Булгакова.

В. А. Бигуаа
Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник

*Института мировой литературы
им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а
lit-sng@mail.ru*

С. С. Макаров
научный сотрудник
Института мировой литературы
им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а
others3@mail.ru

*Дата поступления материала в редакцию
03 ноября 2019 г.*

Дата публикации: 30 апреля 2020 г.

Vyacheslav A. Biguaa
Doct. Sci. (Philol.)
Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute
of World Literature of the RAS,
25a Povarskaya St., Moscow, 121069, Russia
lit-sng@mail.ru

Semyon S. Makarov
Researcher at the A.M. Gorky Institute
of World Literature of the RAS,
25a Povarskaya St., Moscow, 121069, Russia
others3@mail.ru

*Received by Editor on November 03, 2019
Date of publication: April 30, 2020*

Для цитирования: Бигуаа В.А., Макаров С.С. Конференция “Национальные картины мира в литературе и фольклоре народов Российской Федерации” (ИМЛИ РАН, 23–25 октября 2019 г.) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 2. С.93–102. DOI: 10.31857/S241377150009028-3.

For citation: Biguaa, V.A., Makarov, S.S. *Konferenciya “Nacionalnye kartiny mira v literaturah i folklоре narodov Rossijskoj Federacii” (IMLI RAN, 23–25 oktyabrya 2019 g.)* [The Conference “National World-Pictures in National Literatures and Folklores of the Russian Federation” (The A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, October 23–25, 2019)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2020, Vol. 79, No. 2, pp. 93–102. (In Russ.). DOI: 10.31857/S241377150009028-3.